

ство, что в представителях активного строя в глаголе (особенно — активном) развита категория способа действия (Aktionsart) при отсутствии в нем временных градаций. Становление последних, будучи, по-видимому, связанным с преобразованием активных и стативных глаголов в транзитивные и интранзитивные, составляет один из характерных процессов номинативизации языковой структуры (аналогичная закономерность, наблюдающаяся в эргативных языках, хорошо согласуется с представлением об эргативности, как одной из возможных ступеней номинативизации языковой структуры). Целесообразно отметить при этом, что такие прослеживаемые по своей специфической аффиксации формы протоиндоевропейского глагола, как интенсив, итератив, дезидератив и др., составляют аналогию типичному репертуару морфологической категории способа действия в языках активной типологии.

Если относительные прилагательные вычлениются в продолжениях протоиндоевропейского, как принято обычно думать, из более общей категории имени существительного¹², то теперь возникает возможность ответить и на вопрос, какие реальные единицы должны были стоять в ту эпоху за такими общиндоевропейскими реконструкциями как **peḥ-* 'новый', **megh-* 'большой', **bheḡegh-* 'высокий' и т. п. (в соответствующих атрибутивных комплексах языков активного строя используются основы стативных глаголов семантики 'быть чистым', 'быть большим', 'быть высоким' и т. д.).

Если в протоиндоевропейском имелось противопоставление не транзитивных глаголов интранзитивным, а глаголов «действия» и «состояния», то его необходимым соответствием в парадигме склонения должна была быть корреляция не эргативного и абсолютного падежей, а активного и пассивного (в субстантивах «неодушевленного» класса эта корреляция, естественно, нейтрализуется, так как обозначаемые его ингредиентами денотаты не мыслимы в качестве реальных производителей действия). Важно при этом подчеркнуть структурную несовместимость обоих этих падежей с такими уже специально ориентированными на передачу субъектно-объектных отношений единицами, каковыми являются генитив и датив. Иначе говоря, формирование последних предполагает свершившуюся перестройку основных позиционных падежей соответственно в номинатив и аккузатив. Данное обстоятельство подкрепляет точку зрения, согласно которой «генитив оформился в качестве самостоятельного падежа в значительно более позднюю эпоху»¹³. Вместе с тем в высшей степени вероятно, что отношения посессивности (или, может быть, точнее — паритивности, т. е. части и целого) должны были в этих условиях выражаться посредством именной морфологической категории притяжательности с различием форм органической и неорганической принадлежности, известной всем представителям активной типологии (ср. различные вторичные способы разграничения обеих форм в исторически засвидетельствованных индоевропейских языках¹⁴).

На фоне частных лексических импликаций активного строя обращает на себя внимание высказывание Т. В. Гамкрелидзе о том, что «бинарным противопоставлением одушевленного и неодушевленного классов в морфологической системе индоевропейского языка следует объяснить функ_

¹² Ср., например, Ж и р м у н с к и й В. М. Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении. — «Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка», 1946, т. V, вып. 3.

¹³ И в а н о в Вяч. Вс. Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков. — В сб.: Тохарские языки. М., 1959, стр. 26—27.

¹⁴ Ср., например, R o s é n Н. В. Die Ausdrucksform für «veräusserlichen» und «unveräusserlichen Besitz» in Frühgriechischen. — «Lingua», 1959, vol. III, 3.